

Нань-гээр ничуть не обиделся на нагоняй. Лишь весело усмехнулся и подсел поближе к Ся Чэню, заискивающе заглядывая ему в глаза:

— Дядюшка, купи мне паровой пирог! Вчера за ужином я совсем не наелся, да и за завтраком не посмел набивать живот. Умираю с голоду.

Среди всей родни дядюшка слыл самым ученым. Раз уж он уверял, что денег на жизнь хватит, значит, так оно и было. Получив твердое обещание, Нань-гээр окончательно успокоился и теперь с улыбкой выпрашивал у Ся Чэня угощение.

— Ладно тебе, иди уж, — Ся Чэнь нащупал в рукаве и протянул ему несколько мелких серебряных осколков. — Только не покупай лепешки, зубы побереги. Разузнай на кухне, нет ли чего горячего, с бульоном, и возьми порцию на мою долю.

Все эти деньги Ся Чэнь получал, обменивая ресурсы в Системном пространстве. Ся Тунбань драл за это безбожную комиссию, однако услуги предоставлял безупречно: по первому требованию выдавал золото, серебро или медные монеты. Даже мелкие серебряные осколки шли в ход — Ся Чэнь предусмотрительно выменял целый сундучок, и пользоваться ими оказалось чрезвычайно удобно.

В деньгах они нужды не знали. Когда город завалило снегом, к ним навевались дядюшка Лю Сы и люди из Генеральского поместья, предлагая перебраться под их крышу. Однако Ся Чэнь помнил слова Вэнь Шу — тот обещал разыскать его.

К несчастью, Цветок-громкоговоритель полностью разрядился. Из-за непрекращающегося снегопада подпитать его было негде, и связь прервалась на несколько дней. Ся Чэнь понятия не имел, как идут дела у его возлюбленного.

Именно поэтому Ся Чэнь наотрез отказался переезжать с Лю Сы в Генеральское поместье. Он лишь оставил там адрес постоянного двора. Если Вэнь Шу придет за ним и никого не застанет, случится беда.

Раз дядюшка отказался от переезда, Нань-гээр спорить не стал и послушно остался с ним. Позже из Генеральского поместья прислали добротные теплые вещи из отличного меха, и этот скромный дар Ся Чэнь все же принял.

Нань-гээр вернулся довольно быстро, сияя от радости:

— Дядюшка, сегодня подают лапшу на курином бульоне! Я уже все заказал, так что вечером знатно поедем.

— Хорошо, — Ся Чэнь ласково потрепал племянника по голове и улыбнулся. — Если на кухне найдется курятина, возьми себе порцию.

— Спасибо, дядюшка! — лицо мальчишки расплылось в довольной улыбке. Этому простодушному малому для полного счастья хватало сытного обеда.

Почитав немного у себя в комнате, Ся Чэнь дождался времени ужина, привел себя в порядок и спустился в общий зал.

В первые дни снегопада, когда на улицу было не высунуть носа, в общем зале с утра до вечера яблоку негде было упасть. Собравшиеся здесь кандидаты вели бесконечные ученые споры. Порой в зале одновременно шумели сразу три литературных кружка, участники которых то и дело срывались на крик.

Однако вскоре они сообразили: от долгих разговоров пересыхает в горле, а за воду приходится платить. Раньше им казался дорогим чай, теперь же они едва могли позволить себе обычный кипяток. Зал быстро опустел. Лишь изредка постояльцы из лучших комнат заказывали чайник чая и скромные сладости, устраивая небольшие посиделки и взирая на остальных с нескрываемым превосходством.

Ся Чэнь в подобных сборищах не участвовал. Нань-гээр как-то нашептал ему, будто в толпе поговаривают о его напускном благородстве и заносчивости, но юноша лишь отмахнулся. Разве гоже благородным мужам чесать языки за чужой спиной? Каков он на самом деле, Ся Чэнь знал и без них.

Впрочем, несмотря на некоторую отчужденность, недоброжелателей у него почти не водилось. Он просто держался в стороне, при встрече всегда мягко улыбался, оставался вежливым и никогда никого не судил. За исключением пары завистников, большинство постояльцев при встрече приветливо кивали ему.

К ужину в общем зале собралось порядочно народу. Уголь нынче стал редкостью, и если нести еду в комнаты, она остывала в мгновение ока. Гораздо разумее было поужинать внизу, пока еда дышала жаром.

Когда Ся Чэнь с племянником спустились, свободных мест уже не осталось. Ся Чэнь подсел к одному из ученых, с которым изредка перекидывался парой слов. Вскоре слуга принес дымящуюся лапшу, и Ся Чэнь, справившись о наличии мяса, заказал для Нань-гэера тарелку нежного отварного цыпленка.

Бедствие нарушило доставку припасов в Императорскую столицу. До голода дело еще не дошло, но о прежнем разнообразии блюд пришлось забыть — готовили лишь из того, что удавалось раздобыть на рынке с утра.

— Дядюшка, это тебе, — Нань-гээр почтительно положил аппетитную куриную ножку в пиалу

Ся Чэня. На тарелке лежала едва ли половина тушки, но заботливый племянник выбрал лучший кусок, а сам принялся с удовольствием грызть сухое белое мясо.

Ся Чэнь тепло улыбнулся, мысленно порадовавшись, что воспитал славного парня. Он придвинул тарелку обратно к племяннику:

— На ночь вредно есть жирное, потом не усну. Забирай все себе.

Нань-гээр спорить не стал — его дядюшка всегда отличался утонченными привычками, так что подобная прихоть никого не удивила. Мальчишка просто перевалил оставшееся мясо к себе в миску и принялся уплетать его за обе щеки.

Цены взлетели до небес, но порции, к счастью, меньше не стали. Осушив глубокую пиалу сытной лапши, Ся Чэнь наелся досыта, тогда как племянник все еще поглядывал на пустую посуду голодными глазами. Ся Чэнь со смехом заказал ему еще две паровые лепешки.

Лепешки на кухне постоянного двора готовили огромными партиями, поэтому заказ принесли мгновенно. Нань-гээр схватил одну и тихонько прошептал на ухо дяде:

— Жестковаты. Моя матушка готовит мясные баоцзы куда лучше.

Ся Чэнь шутливо шикнул на него:

— Ешь давай, не болтай лишнего.

В этих краях тесто для выпечки обычно не сбраживали. Для лапши пресное тесто подходило отлично, но лепешки из него выходили плотными и тяжелыми, уступая пышному дрожжевому хлебу. В свое время Ся Чэнь сам додумался использовать золу для первой закваски, а затем сохранил кусочек выбродившего теста для последующих замесов.

Местные повара, видимо, знали какие-то свои хитрости, и их выпечка оказалась куда мягче той, что продавали в уезде Цинъян. Но до сочных домашних пирожков ей все равно было далеко.

Нань-гээр послушно замолчал, сосредоточенно пережевывая лепешку. Ся Чэнь, слегка переевший, лениво откинулся на спинку стула, ожидая, пока парень закончит ужин.

Стоило Нань-гэеру прикончить первую лепешку, как снаружи раздался настойчивый стук в ворота. Время было не такое уж позднее, однако из-за сильной стужи и отсутствия свободных мест тяжелые створки держали наглухо запертыми. Даже припасы слуги заносили через черный ход.

Неожиданный шум привлек всеобщее внимание. Лавочник высунулся из-за конторки и махнул крепкому парню из прислуги, приказывая отпереть.

Слуга отодвинул массивный деревянный засов и приоткрыл дверь. В образовавшуюся щель ворвался ледяной сквозняк. Вглядевшись в темноту, парень обернулся к хозяину:

— Хозяин, там монахи!

— Монахи? — удивился лавочник. — Ладно,пусти их.

Дверь распахнулась шире, и внутрь поспешно вошли несколько буддийских монахов. Лица их побелели от холода, а бритые головы, казалось, покрылись тонкой коркой льда и зловеще поблескивали при свете ламп.

Ся Чэнь с любопытством оглянулся на вошедших и невольно затаил дыхание.

«Тунбань, глянь скорее! Какой невероятный красавец...»

Ся Чэнь и сам обладал незаурядной внешностью, а его Цзыцзянь и вовсе казался совершенством, но этот молодой монах лет двадцати пяти являл собой совершенно иной, редкий тип красоты.

Изящно очерченные брови подчеркивали разрез пленительных глаз, напоминавших лепестки цветущего персика. Слегка приподнятые уголки век придавали взгляду неуловимое лукавство, а аккуратный нос и мягкие очертания губ казались безупречными. Крошечная родинка под левым глазом добавляла его облику утонченного очарования.

Столь броская, почти чувственная красота удивительным образом сочеталась с аурой безупречной чистоты, похожей на свежесть умытых дождем весенних гор. Несмотря на бледность замерзшего лица, на губах его играла безмятежная, кроткая улыбка, словно у самого Будды под деревом Бодхи.

[Почему ты величаешь его почтенным наставником? В прошлый раз, в храме Баочэн, ты звал их просто монахами.]

«Да тут и думать нечего, он же невероятно красив! — Ся Чэнь, неисправимый ценитель прекрасного, ответил с абсолютной убежденностью. — Я впервые вижу столь прекрасного служителя культа. Разве грех назвать его мастером?!»

[Почему тебя вечно заботит мужская привлекательность? Когда вы ходили на рынок, несколько прелестных девушек не сводили с тебя глаз. Я ведь предупреждал тебя, но ты даже бровью не повел.]

«Ох, Тунбань-эр, куда же тебя занесло, — Ся Чэнь мгновенно принял вид умудренного наставника. — Вовсе я не заиклен на мужчинах. Просто так вышло, что двое самых красивых людей, которых я встречал в этой жизни, оказались мужчинами. К тому же, раз уж природа одарила меня такой внешностью, пусть любят, мне не жалко. Но давать им ложную надежду я не имею права. Зачем мне прослыть подлецом и обманщиком?»

Разговаривая с Тунбанем в собственном сознании, Ся Чэнь продолжал наблюдать за происходящим у входа. Большинство постояльцев в зале тоже затаили дыхание.

Лавочник подошел к гостям и вскоре во всем разобрался. Эти монахи прибыли из отдаленного пригородного храма Линъань. Десять дней назад их пригласили в столицу для проведения поминальной службы. После завершения обрядов их престарелый учитель слег с сильной лихорадкой. Им пришлось задержаться на пару дней, приютившись у одного из местных верующих.

Однако эта задержка обернулась бедой: город накрыл небывалый снегопад, заперев их внутри. Монахи ушли налегке, без припасов и теплых вещей — ведь в мирных краях голодная смерть им не грозила. Семья, пустившая их на постой, жила небогато. В обычное время пара мисок риса для монахов не обременяла хозяев, но теперь, когда цены в столице взлетели, содержать прожорливых гостей стало непосильной ношей.

Буддийские братья прекрасно это понимали и ежедневно пытались просить подаяние на улицах. Однако в такую стужу, в легком одеянии и насквозь промокшей обуви, они не могли уйти далеко, рискуя просто замерзнуть насмерть в каком-нибудь переулке.

Видя, что старик не идет на поправку, хозяева дома начали урезать им паек. Все крохи, что удавалось вымолить на улицах, молодые монахи отдавали больному учителю, сами пробавляясь пустой водой в надежде, что метель вот-вот утихнет.

Но буря бушевала уже целую неделю. Лекарство для старого наставника переваривали столько раз, что целебные травы превратились в безвкусную труху. Оставшись без выхода, ученики решились снова отправиться на поиски лекаря, но хозяин дома наотрез отказался принимать их обратно, испугавшись, что дряхлый монах испустит дух под его крышей и навлечет несчастье.

Оказавшись на улице, они брели по сугробам, поочередно неся больного учителя на спине. Почти все аптеки стояли запертыми наглухо. Лишь в одной им после долгих мольб согласились продать дешевый сбор от простуды, после чего сразу же выставили вон.

Найти приют в обычных домах посреди бедствия было несбыточной мечтой, поэтому они и забрели на этот постоялый двор, надеясь на чудо. Очередная ночь под открытым небом означала для них верную смерть.

Выслушав их печальную повесть, лавочник замаялся. Прежний хозяин боялся покойника в доме, но и постоялому двору такая дурная слава была ни к чему. Кто же согласится жить там,

где умирают люди?

— Почтенные наставники... — нерешительно начал он. — Видите ли, у меня все комнаты заняты, ни одного свободного угла. Может, попытаете счастья в другом месте?

— Благодетель, умоляем вас! Наш учитель не перенесет этой стужи. Нам не нужны покои, позвольте лишь переждать непогоду здесь, в углу зала! — взмолился круглоголовый монах по имени Ваньюй.

Лавочник тяжело вздохнул. Его престарелая матушка была истовой буддисткой, и хотя сам он особой набожностью не отличался, но к святым людям относился с боязливым почтением. Выгнать их сейчас на мороз значило обречь на неминуемую гибель.

— Почтенный... — снова начал Ваньюй, но старый монах негромко прервал его:

— Ваньюй, довольно.

Круглолицый послушно умолк. Старый наставник отвесил лавочнику низкий поклон:

— Благодетель, небеса разгневались, и боюсь, этот снегопад — лишь предвестник великих бед. Мои ученики молоды и обучены грамоте да ремеслам, они смогут сослужить вам верную службу в обмен на сухой угол под вашей крышей.

Лавочник растерялся, пытаясь осознать зловещее предостережение, но молодые монахи затревожились первыми:

— Наставник, о чем вы говорите? Куда же вы пойдете один в такую метель?

— У меня свой путь, — кротко ответил старик, прикрыв глаза. Лицо его оставалось спокойным.

В зале воцарилась тяжелая тишина. Все поняли, что старый буддист хочет избавить хозяина от страха перед возможной смертью в его стенах и готов пожертвовать собой ради спасения учеников.

— Хозяин, оставь их! — крикнул кто-то из сидевших в зале, судя по всему, человек набожный.

К первому голосу присоединились другие. Кто-то, конечно, ворчал под нос, советуя не совать нос в чужие дела, но лавочник, сжав зубы, все же не решился проявить жестокость и позволил остаться всем, включая больного старика.

Хоть монахи и соглашались на ночлег в холодном общем зале, хозяин все же обратился к

постояльцам с просьбой потесниться и уступить им немного места.

Свои вопросы он адресовал обитателям самых дешевых комнат и общих спален на нарах. Те, кто платил за отдельные покои, дорожили покоем и уединением, а вот на общих нарах всегда можно было потесниться. Если народу мало — спали вольготно, если много — укладывались плечом к плечу.

Вскоре двое молодых ученых из скромных комнат согласились пустить к себе по одному монаху, а на нарах освободили еще три места. Однако для последнего прибывшего лежа так и не нашлось.

Лавочник уже собирался воззвать к совести остальных, как вдруг раздался грубый, хриплый голос:

— Слышь, хозяин, у нас в каморке найдется свободное местечко!

Хозяин обрадовался, а монахи уже приготовились поклониться в знак признательности, как вдруг заговоривший детина осклабился:

— Пусть этот смазливый красавчик ложится с нами, потешит наших парней ночью!

Окружающие мгновенно изменились в лице, а юные монахи гневно сжали кулаки. Один из ученых не выдержал:

— Мерзавец! Какая низость, как только язык поворачивается порочить святого человека!

Нахала звали Ло Ху. Он с грохотом хлопнул ладонью по столу и поднялся на ноги. Вслед за ним шумно повскакивали еще с десятков дюжих молодцов. Это были наемные охранники из купеческого каравана, запертые непогодой на постоялом дворе вместе со своими нанимателями.

Лишенные привычной работы, эти бездельники изнывали от скуки и избытка сил. К тому же хозяева каравана из-за дороговизны припасов урезали им довольствие, и наемники давно искали повод сорвать злость.

Заступившегося за монахов книжника Ся Чэнь знал — его звали Цзян Синьли. Малый он был простодушный, немного упрямый, но честный. Парень заметно струсил перед толпой громил, однако отступать не собирался. Он упрямо вздернул подбородок, хотя Ся Чэнь отчетливо видел, как под столом у него мелко дрожат колени.

Придержав за плечо Нань-гэера, который уже готов был ринуться в драку, Ся Чэнь продолжал наблюдать. Ло Ху издевательски расхохотался, вразвалочку подошел к столу Цзян Синьли и без лишних слов сгреб его недоеденную лепешку, с шумом вонзив в нее зубы.

— Ты... да как ты смеешь!.. — задохнулся от возмущения бедный книжник.

Живя в самой дешевой комнате на двоих, он экономил на каждой крохе из-за безумных цен. Лишиться этой лепешки означало остаться сегодня вовсе без ужина.

— Чего заикаешься, шелкопер? — Ло Ху бесцеремонно толкнул парня в грудь. — А ну, повтори, что ты там вякнул! — Он занес над лицом Цзян Синьли свой огромный кулак.

— Погоди у меня! Вот утихнет буря, я отведу тебя к уездному судье! — Цзян Синьли, хоть и бедствовал, пользовался почетом в родных местах как дипломированный ученый, и сносить издевательства какого-то мужлана не желал.

— К судье? — загоготал Ло Ху. — Валяй! Сколько мне там присудят выплатить за твою сухую лепешку? Да я тебе хоть десяток верну, когда дороги расчистят!

До присутствующих наконец дошел его замысел. Ни один судья не станет заводить дело из-за куска хлеба, а даже если заставит возместить ущерб — после метели простые лепешки будут стоить гроши. Наемники ничем не рисковали.

Но если спустить им это с рук сейчас, до конца снегопадов банда Ло Ху беззастенчиво обберет весь постоялый двор.

Предчувствия не обманули постояльцев: вслед за вожакom остальные охранники с гоготом двинулись по залу, бесцеремонно отнимая тарелки у испуганных людей.

— Полноте, господа, что же это творится... — в панике запричитал лавочник, пытаясь кликнуть слуг, но Ло Ху грозно зыркнул на него:

— Хозяин, не лезь на рожон. Тебя и твое добро мы не трогаем, а то, что уже продано — не твоя забота!

Грабители действовали слаженно. Своими жертвами они выбирали одиноких, щуплых на вид книжников без гроша за душой и влиятельных покровителей.

Этот постоялый двор, хоть и не самый плохой, уступал роскошным столичным заведениям. Наличие общих спален говорило само за себя — высокородных господ среди постояльцев не водилось. Лучшие комнаты занимали разве что состоятельные купцы да не слишком бедные студенты.

Наемники Ло Ху обходили стороной тех, кто мог дать сдачи, и глумились лишь над беззащитными. За считанные мгновения они успели обобрать нескольких испуганных ученых.

— Амиабха, — тихо произнес престарелый монах.

Этот негромкий вздох прозвучал для его учеников словно боевой клич. Молодые послушники разом бросились на защиту обижаемых.

Ся Чэнь решил воспользоваться моментом и громко крикнул на весь зал:

— Чего сидите?! Ждете, пока они отнимут еду у соседа, а потом примутся за нас?!

Эти слова подействовали на толпу отрезвляюще. Богатый наследник по имени Цэнь Линь с яростью приказал своим личным телохранителям вмешаться. Другие крепкие постояльцы тоже повскакивали со своих мест. Лавочник понял, что отсидеться в стороне не удастся, и с обреченным видом погнал в бой трактирных слуг. Только тогда Ся Чэнь ослабил хватку и выпустил Нань-гэера, который с радостным воплем бросился на ближайшего амбала.

Ся Чэнь остался в стороне. Присмотревшись к соседней столешнице, он загреб горсть орехов и ловко натянул на пальцы пару тонких резинок из кармана.

Эти резинки достались ему из системного сундука. Волосы он ими не подвязывал, зато нашел кучу других полезных применений в обиходе.

Еще когда он осваивал Вечную рогатку, ему пришла в голову безумная идея — использовать собственные пальцы вместо рогатины, натягивая резинку прямо на ладони, как в старых приключенческих романах. К тому времени он уже неплохо стрелял, так что приноровился быстро. На дальних дистанциях этот способ уступал настоящему оружию, но в тесном зале постоялого двора Ся Чэнь бил без промаха.

Эластичность резинок была посредственной, да и арахис — снаряд хрупкий, поэтому Ся Чэнь метил исключительно в лица грабителей. Большого вреда орехи не наносили, но жалили немилосердно. Наемники то и дело зажмуривались, уклонялись и чертыхались, боясь лишиться глаз, что сильно мешало им отбиваться от наседавших постояльцев.

Охранники купеческого каравана были тертыми бойцами, и даже численное превосходство толпы не сразу сломило их натиск. Силы казались равными. Ся Чэнь заметил, что утонченный молодой монах дерется с поразительной ловкостью и грацией. Приглядевшись к его движениям, юноша перевел взгляд на Нань-гэера и с изумлением обнаружил, что в их боевых приемах сквозит некое неуловимое сходство.

Затеявая ссору, грабители не ожидали столь яростного отпора. Наемники начали колебаться. Одно дело — отобрать еду у трусливых книжников, и совсем другое — навлечь на себя гнев всего постоялого двора. Стоило ли подставлять шею под судейский топор ради куска лепешки? Тем временем к драке присоединялись все новые защитники. Даже те, кто боялся открыто лезть в потасовку, ухитрялись исподтишка подставить подножку или ткнуть палкой под колено, сводя громил с ума.

Натиск нападавших ослабевал. Вскоре один из подручных Ло Ху опустил руки и сдался. Лавочник тут же велел слугам тащить крепкие веревки, и наемников принялись связывать одного за другим, пока наконец не скрутили обессиленного главаря.

В общем зале воцарился полнейший разгром: столы и стулья валялись разбитыми, а полтора десятка связанных громил уныло мычали на полу. Защитники тоже не обошлись без ссадин и синяков. Особенно забавно выглядели тщедушные книжники — с подбитыми глазами и разбитыми носами, но с гордо вскинутыми головами и сияющими от восторга лицами.

— В управу их! К судье!

— Верно! Разбойникам место в темнице!

Толпа ликовала, требуя немедленной расправы. Несколько смельчаков уже ухватились за свободный конец веревки, а кто-то вызвался открыть ворота. Но стоило тяжелым створкам распахнуться, как ледяная крупа больно хлестнула их по лицам. Вглядевшись в непроглядную белую круговерть, люди разом притихли.

— Да в такую темень и буран... Вряд ли управа работает.

— И как мы туда доберемся? — пробормотал кто-то из толпы. Пропасть в сугробах по дороге никому не хотелось.

— Давайтеждемся, пока утихнет, а там решим, — раздался разумный голос.

Посоветовавшись, постояльцы решили оставить грабителей связанными до лучших времен. Нанимавшие их купцы теперь изо всех сил делали вид, что не имеют к негодяям никакого отношения, но поскольку договор был заключен, кормить этих проглотов все равно приходилось им, хоть и за тройную цену.

— У меня в комнате есть отличное целебное снадобье от ушибов и синяков, — звучно произнес Ся Чэнь. — Сейчас принесу, пользуйтесь кому нужно.

Ся Чэнь мысленно в очередной раз поблагодарил бездонные закрома Тунбаня. В его Системном пространстве хранилась не только Домашняя аптечка со спреем Юньнань Байяо, но и целый ящик традиционного масла Хунхуа. Чтобы не вызывать подозрений, Ся Чэнь заранее переливал подобные полезные зелья в простые глиняные флаконы.

Сделав вид, будто идет в свои покои, Ся Чэнь поднялся по лестнице, плотно притворил дверь и на мгновение скользнул в Системное пространство. Отыскав нужный флакон с маслом Хунхуа, он вернулся вниз и объяснил раненым, как им пользоваться.

Нань-гээр первым выдернул пробку и тут же отпрянул, сморщив нос:

— Дядюшка! Ну и вонь! Чем это пахнет?!

— Хорошее лекарство сладким не бывает, — Ся Чэнь притянул парня к себе, чтобы показать остальным пример. Налив немного пахучего красноватого масла на ладонь, он принялся с силой втирать его в огромный синяк на голени племянника.

Увидев, как действует снадобье, другие пострадавшие потянулись к флакону. Некоторые брезгливо кривились от резкого запаха и отказывались, но большинство с благодарностью растирали ушибы. Телохранители Цэнь Линя тоже попросили немного масла. Принюхавшись и осторожно нанеся его на кожу, один из них уважительно кивнул:

— Удивительное средство. Кровь разгоняет мгновенно.

Они даже попытались выкупить у Ся Чэня весь флакон, но юноша вежливо отказался, сославшись на то, что это редкий домашний рецепт и целебного масла у него осталось совсем на донышке.

Вскоре страсти улеглись, и постояльцы начали расходиться. Одни продолжали тихо обсуждать случившееся за уцелевшими столами, другие ушли отдыхать. Лавочник с унылым видом велел слугам навести порядок, а стоимость всей разбитой посуды твердо решил взыскать с банды Ло Ху через суд.

Кто-то из зажиточных гостей расщедрился и заказал для монахов несколько паровых лепешек. Поблагодарив благодетеля, буддийские братья скромно устроились в углу зала. Лавочник лично принес им чайник с кипятком и, нахмурившись, обратился к молодому красавцу:

— Почтенный наставник, как же нам быть с вашим ночлегом?

Место на нарах нашлось бы, но выдающаяся внешность юноши невольно сеяла смуту. После гнусных намеков Ло Ху порядочным людям было неловко звать его к себе в каморку, дабы не навлечь на себя двусмысленных подозрений.

— Благодарю за заботу, — кротко отозвался Ванчэнь, опустив взгляд. — Позвольте мне остаться здесь, в зале.

— Оно, конечно, можно, — засомневался лавочник. — Да только к ночи угли в жаровнях прогорят, окоченеете ведь здесь без тепла.

— Ничего страшного.

— Перебирайтесь в мою комнату, — неожиданно предложил Ся Чэнь, шагнув вперед. — Я переночую у племянника, а мои покои будут в вашем распоряжении.

На протяжении всей драки Ся Чэнь ломал голову над странной загадкой. Боевые приемы этого изящного монаха неуловимо напоминали те, что использовал Нань-гээр и гвардейцы Генеральского поместья, тогда как его собратья дрались простыми, прямолинейными кулачными стилями. Ся Чэнь так и не смог разгадать эту тайну.

Но молодой монах явно не замышлял зла, и Ся Чэнь решил помочь ему, раз представилась возможность. Без Цзыцзяня на связи долгие зимние вечера все равно тянулись невыносимо скучно, а поработать на грядках в Системном пространстве он мог и днем, пока Нань-гээр отлучался по делам.

— Мое скромное имя — Ванчэнь. Могу ли я узнать, как величать моего спасителя? — тихим певучим голосом спросил монах.

— Моя фамилия Ся, зовут Чэнь. Второго имени у меня нет.

Нань-гээр дружелюбно вклинился в разговор, сверкнув белозубой улыбкой:

— А я его племянник, тоже из рода Ся. Зови меня просто Нань-гээр!

Ванчэнь мягко улыбнулся одними уголками губ, и Нань-гээр от этой улыбки на мгновение потерял дар речи.

<http://bllate.org/book/18260/1762685>